

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература» представляет книги

РОМАНА ЗЛОТНИКОВА

Ком

*

УРОЖДЕННЫЙ ДВОРЯНИН (в соавторстве с Антоном Корниловым)

УРОЖДЕННЫЙ ДВОРЯНИН. Мерило истины

(в соавторстве с Антоном Корниловым)

УРОЖДЕННЫЙ ДВОРЯНИН. Защитники людей

(в соавторстве с Антоном Корниловым)

УРОЖДЕННЫЙ ДВОРЯНИН. Рассвет

(в соавторстве с Антоном Корниловым)

*

ЗЕМЛЯНИН

ЗЕМЛЯНИН. Шаг к звездам

ЗЕМЛЯНИН. На службе Великого дома

*

РУИГАТ. Рождение

РУИГАТ. Прыжок

*

ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛ

ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛ. На переломе веков

ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛ. Взлет

ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛ. Война

*

Ронин (в соавторстве с Александром Воробьевым)

*

Крыло ангела (в соавторстве с Олегом Маркеловым)

*

Империя наносит ответный удар

(в соавторстве с Василием Ореховым)

Звездный десант (в соавторстве с Василием Ореховым)

Миссия невыполнима (в соавторстве с Василием Ореховым)

*

Охота на охотника (в соавторстве с Андреем Николаевым)

Счастливчик Сандерс (в соавторстве с Андреем Николаевым)

Правило русского спецназа

(в соавторстве с Андреем Николаевым)

Бешеный медведь

*

ЛЕННАР. Сквозь тьму и... тьму (в соавторстве с Антоном Красновым)

ЛЕННАР. Книга Бездн (в соавторстве с Антоном Красновым)

ЛЕННАР. Псевдоним бога (в соавторстве с Антоном Красновым)

ЛЕННАР. Чужой монастырь (в соавторстве с Антоном Красновым)

*

Арвендейл
Герцог Арвендейл
Император людей

*

ВЕЧНЫЙ. Шаги над звездами
ВЕЧНЫЙ. Восставший из пепла
ВЕЧНЫЙ. И пришел многоликий...
ВЕЧНЫЙ. Последний рейд

*

ГРОН. Обреченный на бой
ГРОН. Смертельный удар
ГРОН. Последняя битва
ГРОН. Прекрасный новый мир
ГРОН. Пошады не будет

*

ИМПЕРИЯ. Виват Император!
ИМПЕРИЯ. Армагеддон

*

ПУТЬ КНЯЗЯ. Атака на будущее
ПУТЬ КНЯЗЯ. Быть воином

*

ЦАРЬ ФЕДОР. Еще один шанс...
ЦАРЬ ФЕДОР. Орел расправляет крылья
ЦАРЬ ФЕДОР. Орел взмывает ввысь

*

Собор

*

Русские сказки

*

Время вызова. Нужны князья, а не тати

*

ЭЛИТА ЭЛИТ

ЭЛИТА ЭЛИТ. Кадры решают всё

*

Точка перехода

*

БЕРСЕРКИ. Мятеж на окраине Галактики
БЕРСЕРКИ. Бойцы с окраины Галактики
БЕРСЕРКИ. Принцесса с окраины Галактики

*

Вселенная неудачников (в соавторстве с Сергеем Мусанифом)
Маневры неудачников (в соавторстве с Сергеем Мусанифом)
Война неудачников (в соавторстве с Сергеем Мусанифом)
Шанс для неудачников (в соавторстве с Сергеем Мусанифом)

Э.К.С.П.А.Н.С.И.Я.

Роман Злотников,
Антон Корнилов

УРОЖДЕННЫЙ ДВОРЯНИН РАССВЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-68

Иллюстрация на обложке — *И. Хивренко*

Злотников, Роман Валерьевич.
З-68 Урожденный дворянин. Рассвет : [фантастический роман] / Роман Злотников, Антон Корнилов. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Э.К.С.П.А.Н.С.И.Я.).

ISBN 978-5-17-097284-5

Их называют «витязи».

Они убеждены, что жить следует по Закону и Совести.

Они отвоёвывают у «общества потребления» право на власть.

Они возвращают по своему подобию новую, истинную элиту.

Они изменяют мир.

...И пробуждают потаенных повелителей человечества — могущественных Хранителей, которым вовсе не выгоден новый порядок.

Последняя битва за умы и сердца людей началась...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097284-5

© Р. Злотников

© А. Корнилов

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Москва. За два года до описываемых событий

Времени ждать лифт не было. Глава Управления Альберт Казачок взлетел на пятый этаж по лестнице. Миновав последний пролет, он с удовлетворением отметил, что не слишком-то и запыхался и ноги нисколько не отяжелели; напротив — от короткой этой пробежки веселее взбурлила во всем теле разогнавшаяся кровь.

Альберт Казачок возглавил Управление всего только месяц назад, став самым молодым руководителем вышеозначенного ведомства за всю его историю. И с приходом Альберта как-то сама собой родилась и окрепла в Управлении атмосфера некоей поворотной свежести — как, впрочем, бывает почти всегда при любой смене власти.

Скорым шагом, успевая отвечать на приветствия коллег, Альберт достиг приемной собственного кабинета. В приемной его ожидали двое парней, двадцати с небольшим лет на вид. Парни — один ярко-белобрысый, худой; второй потемнее и помассивнее — с одинаковой проворной готовностью вскочили ему навстречу.

Казачок, чуть замедлившись, кивнул парням, отрывисто бросил:

— Из отдела кадров? На стажировку? — И, не дожидаясь ответа, который и так знал, обернулся к секретарю, грузному седоусому майору (в Управлении никогда не было идиотской традиции сажать в секретарское кресло безмозглых девиц, вершиной профессионального мастерства полагавших умение печатать одним пальцем, отзываться на телефонные звонки и готовить кофе). — Тащи, Николаич, что там у тебя...

Седоусый майор вошел в кабинет следом за Альбертом, протянул ему папку:

– Вот, сегодняшнее, товарищ полковник.

Казачок, не присаживаясь, раскрыл папку на столе, карточным веером раскидал бумаги: какие-то тут же подписал, вернув обратно в папку, какие-то отложил. И уже после этого, выдохнув, опустил в свое кресло. Потер ладонью лоб:

– Во сколько заседание-то?

Майор глянул на часы:

– Через тринадцать минут, товарищ полковник. Распорядитесь перенести?

– Успею... – с некоторым, впрочем, сомнением ответил Альберт, щелчком мыши пробуждая компьютерный монитор. И в этот момент у него зазвонил мобильный.

– Молодежь-то приглашать? – быстро осведомился секретарь.

Альберт, одной рукой вынимая телефон, другой махнул майору: мол, погоди, потом... Тот немедленно покинул кабинет.

– Здорово, брат! – жизнерадостно задребезжал динамик мобильного. – Как она, шапка мономахова, не давит?

– Давай поскорее, Артур, ладно? – недовольно сморщившись, попросил Казачок. – Занят,дохнуть некогда... Что у тебя?

– Совсем зазнался! – хмыкнули в трубке. – Родному брату, кровинушке – слова доброго сказать не можешь!

– Зашился, – поправил Альберт, – а не зазнался. У тебя что-то очень срочное? Если не очень, лучше через Николаича...

– Я тебе, между прочим, по личному телефону звоню, а не по служебному, – заметил Артур, Казачок-младший. – Через Николаича!.. Чего он еще с тобой в квартире не поселился? Вот Галка обрадуется. Скоро соль передать будешь просить через своего Николаича...

– Кладу трубку, – предупредил Альберт.

– Ладно, ладно... Заходили они уже?

– Кто?

– Значит, не заходили...

Тут только Альберт сообразил, что речь идет о двух новичках-стажерах, присланных к нему из отдела кадров. И сразу же наструился:

— погоди, а тебе до них какое дело? Они ж не в твой отдел распределены. Им до оперативной работы служить и служить...

Он еще договаривал последнюю фразу, когда в голове ворохнулась досадливая мысль: личные дела стажеров не успел посмотреть. Вот они, на столе лежат, дела-то. Как он вчера и распорядился... Рассчитывал просмотреть с утра пораньше, да не получилось. Только-только до кабинета добрался.

Ну никак не принорвится он, новый глава Управления Альберт Казачок, к этому сумасшедшему графику... И как старик Магнум все успевал? И ведь никогда никуда не торопился, последние лет десять из своего кабинета — вот этого самого, который теперь вместе с должностью унаследовал Альберт, — почти не выходил. И тем не менее умудрялся быть в курсе всех дел Управления, первым узнавать любую новость, каждый раз принимать своевременные решения.

Жаль Магнума, конечно... Без малого сорок лет руководил Управлением, сорок лет был главой ведомства, неусыпно стоявшего на страже Отечества. И до недавнего времени никому бы и в голову не пришло, что когда-нибудь будет как-то по-другому. Однако ж... Инфаркт, реанимация, тоскливые новости, чудом просочившиеся из закрытой больницы... И только тогда Управление вдруг осознало, что Магнум, вызывающий неизменный трепет мощный монолит Магнум, непробиваемая глыба Магнум — обыкновенный человек, подчиняющийся, как и все, законам естества, восьмидесяти-трехлетний старик с источенным временем уставшим сердцем...

Впрочем, он до последнего остался верен себе — никуда не торопясь, не опоздал; все, что нужно, предусмотрел. За неделю до смерти оставил секретное распоряжение: кто после него возьмет в свои руки кормило Управления, и как именно следует наследнику перетасовать прочий начальственный состав...

— Альберт! Эй, брат! Ты уснул там, что ли? Переутомился?

— Да! — спохватился Альберт. — Слушаю! Так какие проблемы со стажерами?

– С одним из них. И не проблемы, а... совсем даже наоборот.

– То есть?

– То и есть. Да ты что, личные дела их не смотрел? Ну, даешь, начальничек...

– Времени в обрез, – буркнул Альберт Казачок. – Нетяни.

– Один из стажеров – саратовский, – сообщил Артур.

– Ну и?

– Бывший детдомовец.

– И что это значит?

– Детдомовский – значит, в детдоме воспитывался. В том самом детдоме.

– В каком еще – том самом?.. – чуть не рывкнул выведенный из терпения Казачок-старший, но вовремя вспомнил: – Да ты что?.. – протянул он. – Правда?..

– Ага, – хмыкнул Артур, явно удовлетворенный произведенным эффектом. – Ну, пока, брат. Увидимся сегодня. Тогда и поделишься впечатлением от встречи. Я-то с ним еще не пересекался лично.

– Шибко крутой?

– Да где там! Всего лишь первая ступень Столпа...

Альберт положил телефон. Машинально посмотрел на часы, потом перевел взгляд на две пластиковые папки, лежащие на столе слева, где обычно располагались документы, требующие срочного ознакомления. Протянул руку над папками... и не открыл ни одну.

Неожиданная мысль пришла к нему.

– Ты погляди... – произнес он задумчиво. – Сколько мы за вами гонялись, а тут вон оно что – один такой сам объявился. Птенец гнезда Трегрея. Причем, похоже, один из первых... Ну если судить по возрасту...

Он вынул из нагрудной кобуры табельный пистолет, снял его с предохранителя, положил на колени и, придвинувшись ближе к столу, ткнул пальцем в кнопку селектора, негромко приказал:

– Николаич, пригласи их. Обоих сразу.

Они вошли один за другим: сначала белобрысый, потом темноволосый.

Альберт Казачок выхватил из-под стола пистолет, молниеносно передернув затвор.

Темноволосый парень даже не успел испугаться. Вряд ли он вообще что-нибудь понял. Он кувыркнулся с линией прицела — от сильного толчка белобрысого. Сам же белобрысый попросту исчез. Растворился в воздухе. Но не совершенно, а словно превратившись в размытую серую тень, мгновенно метнувшуюся в противоположную от темноволосого сторону.

Казачок-старший почти инстинктивно отдернул голову, спасаясь от полетевшего в лицо чего-то сверкающего, бешено вращающегося... отчего на секунду потерял ориентацию в пространстве. И в это же мгновение серая тень, взвихрившись откуда-то сбоку и сзади, пала на него, смяла и закрутила его тело.

Альберт пришел в себя под столом. Пистолета в руках не было. Очень болела правая кисть, крючило ломотой пальцы. И еще грудь жгло — точно по ней плашмя врезали палкой.

«О край стола приложился...» — догадался он.

Болезненно кривясь, он поднялся на ноги. Темноволосого парня нигде не было видно, а белобрысый стоял вполоборота чуть поодаль, у настенного стенда рядом с дверью. Он как раз водружал на стенд большой, поблескивающий фальшивой позолотой кубок. Из кармана его брюк торчала рукоять пистолета Альберта.

— Помялся немного, — проговорил парень, видимо, почувствовав на себе взгляд Казачка-старшего. — Это об стену. Уж извините.

— Не промахнись ты, помялась бы моя голова, — ответил Альберт.

— А я и не промахнулся, — просто проговорил парень. — Я мимо целил. Бросок предполагался отвлекающим, а не поражающим. «Казачку Альберту Васильевичу... — начал он читать надпись на кубке, — за победу в областных соревнованиях по рукопашному...»

— Пять лет назад дело было, — прервал его Альберт. — С тех пор уже первенство по стране успел взять... Оружие верни.

Белобрысый беспрекословно отдал ему пистолет — рукоятью вперед протянул, как полагается.

— Однако, проверочки у вас, товарищ полковник... — пробормотал он при этом.

Над поверхностью стола, словно полная луна, всплыло белое-белое изумленное лицо темноволосого стажера. Альберт сел в свое кресло.

— Ну что же? — проговорил он. — Давайте знакомиться.

Белобрысый шагнул к столу. Положив ладонь правой руки на левую сторону груди, ненадолго и неглубоко склонил голову. И произнес:

— Будь достоин!

— Долг и Честь! — серьезно ответил ему глава Управления Альберт Казачок.

* * *

Через несколько минут, оставшись в кабинете один, Альберт подошел к окну. Неяркое вечернее солнце пачкало масляной краснотой стеклянные стены торгового центра напротив. Улица привычно и неторопливо закипала, будто кастрюлька с супом на медленном огне.

— Как странно все повернулось-то... — тихо сказал Альберт, глядя из окна вниз.

Да, странно... С самой ранней юности, с тех пор, когда он принял решение, что делом его жизни будет служба стране, был Казачок-старший нерушимо уверен в одном принципе, главном принципе, основополагающем: какой бы ни была существующая система функционирования государства, святой Долг Управления (а значит, и его персональный Долг) — пуще глаза оберегать эту систему. Так учил его Магнум. В том же убеждал его — год за годом все крепче — и личный опыт. Ибо любая, даже самая плохая система всегда лучше, чем ее отсутствие. Вон, на Украине, под восторженные вопли народа радостно смели «злочинну владу» президента-коррупционера, после чего рухнули в такую задницу, из которой до сих пор никак не выберутся... Да, много в стране неправильного и вредоносного, даже и глубоко копать не надо, все изломы и недочеты на виду, на поверхности, достаточно легкого мимолетного взгляда, чтобы их обнаружить. И, казалось бы, если все всем так очевидно, почему до сих пор не стало по-другому? Не стало — как должно быть? Потому что — как

втолковывал когда-то сотрудникам Управления Магnum — между теорией и практикой лежит громадная, непересекаемая пропасть. Потому что, начав ревностно «наводить порядок», очень просто разрушить страну. За двадцатый век так уже случалось несколько раз. И в семнадцатом, и в девяносто первом, да и... тридцать седьмой тоже едва этим же не закончился. Нет, Альберт не был наивным интеллигентом, считающим, что Сталин в тридцать седьмом уничтожил восемьдесят процентов высшего командного состава РККА и управленческого аппарата страны исключительно из собственной кровожадности. Были, были основания для жестких решений... Но чистили-то не просто «до основания», а еще и, так сказать, «со снятием верхнего слоя грунта толщиной в метр». А когда опомнились — во многом было уже поздно. Слава богу, кое-кого добить не успели, например тех же Рокоссовского или Королева. А если бы опомнились чуть позже — одной катастрофой лета сорок первого точно бы дело не ограничилось...

Так что любые язвы общества врачевать надо аккуратно, вдумчиво, следуя правилу, которое считается обязательным для врачей, — «не навреди». К тому же коррупция и наглость власть имущих не всегда есть полное и абсолютное зло. Человек априори слаб, и... умная власть, понимая это, не столько рубит по-живому, сколько использует слабости людей для собственного укрепления, встраивая человеческие слабости в свою систему, выстраивая «манипуляторы», позволяющие добиваться собственных целей с куда меньшими затратами, минуя официальные структуры управления. Ибо официальные структуры всегда медлительны и громоздки. Поскольку публичны и чудовищно забюрократизированы. А современный мир требует быстрых и эффективных реакций. Так что коррупция, кумовство и тот самый пресловутый административный ресурс, конечно, зло, но зачастую куда меньшее, чем хаос и обрушение системы. Так ржавчина и накипь, сужая сечение трубопроводов и повышая расход тепла на нагревание, одновременно прочно «приваривают» детали механизмов друг к другу и «заращивают» потенциальные течи. Такова жизнь...

Именно потому Альберт воспринимал тех, кто, пусть с самыми благими намерениями, но закусив удила и невзирая ни

на что, принимался «бороться с несправедливостью» даже не как потенциального, а как реального врага, способного обрушить, уничтожить все то, чему он отдал свою жизнь.

Поэтому Олег Гай Трегрей в его глазах однозначно был врагом. Для Магнума. Для всего Управления. И для Альберта Казачка, конечно, тоже. Враг, которого необходимо непременно уничтожить. Не потому что так захотелось самому Альберту. А потому что этого требовали интересы страны.

Когда подобное противостояние только зарождалось, казалось, у Олега нет никаких шансов. Потому что что может быть проще для могущественного Управления — сломать и растереть обыкновенную человеческую единицу? Однако Трегрей оказался им не по зубам. Просто потому что он не был обыкновенным... Простым, нормальным, обычным или как там еще это называется? Ха! Каким угодно, но только не простым! И дело было не только и не столько в его феноменальных навыках, принципы и методика обретения которых (так называемый Столп Величия Духа) до сих пор дотошно и пристально изучались Управлением. Дело было в глубочайшей уверенности Олега в том, что для людей абсолютно нет ничего невозможного. «Можешь — делай!» Хотя, пожалуй, уверенность — неподходящее слово. Трегрей не то чтобы верил, что ум и тело каждого человека способны справиться с любой задачей, не то чтобы успешно убеждал себя в этом. Он просто это знал. Словно родился и вырос там, где подобная внутренняя программа полагалась совершенно естественной. Где люди давным-давно научились переступить собственные слабости и оказались способны выстроить мир, который именно такой, каким он и должен быть.

Неудивительно, что у Трегрея довольно скоро появились соратники и единомышленники, число которых год от года только росло. Все-таки как ни крути, а в каждом из нас, кем бы мы ни были, тлеет жажда жить по справедливости, закону и совести, жить так, чтобы иметь полное, без малейшей червоточинки, право уважать самого себя. Тлеет в нас эта жажда, задавленная тоскливым пониманием, что желаемое — недостижимо и утопично. Ведь если не было во всей нашей многовековой истории ни единого примера, когда утопия воплощалась бы в реальность, как же тогда мы можем серьезно верить в то, что когда-нибудь такой момент настанет?

Трегрея же несколько не стесняли подобные сомнения. Он просто жил, как должно. И перед ним и его соратниками, впитавшими в кровь догмат: «Лишь практика есть мерило истины», система дрогнула. Но не посыпалась. Она стала перестраиваться. Изменяться. И наступил момент, когда и в Управлении увидели и поняли это. Решились-таки робко поверить, что пропасть между должным и реальным может стать меньше...

«Все же есть здесь определенная судьбоносная закономерность, — думал Казачок, постукивая ногтем по оконному стеклу, — что Магнум ушел именно теперь. Вряд ли он, переживший крах стольких систем, помнивший убийственную коловерт безвременья, сумел бы верно осознать смысл происходящих перемен, вряд ли сумел поверить в них и принять...»

Кабинетную тишину колыхнула трель селектора. Альберт вернулся к столу.

— Пять минут до совещания, товарищ полковник, — напомнил динамик голосом секретаря Николаича.

— Спасибо.

«Впрочем, и теперешнее Управление, — мысленно проговорил Казачок-старший, — может поддерживать Трегрея только лишь негласно. Мы государевы люди и, все-таки, в выборе решений несвободны. Все, на что мы имеем право: наблюдать и не чинить препон. Не стоять в одном строю, а прикрывать тылы. Что, в общем-то, тоже очень даже немало. По крайней мере, прошлые деяния команды Олега полностью реабилитированы, и никаких угроз ему более со стороны Управления не будет...»

ПРОЛОГ

На следующий день кошмар повторился. Жалобно звякнув, затих на кухне холодильник; оборвал свое бормотанье телевизор за спиной.

Иркины пальцы застыли на клавиатуре старенького ноутбука с внезапно погасшим монитором. Она поняла прочно и сразу: это – вовсе не следствие очередной мелкой аварии на местной подстанции. Это они, отрубив из подъезда электропитание ее квартиры, дали знать о том, что вернулись.

В дверь забухали тяжелые удары.

– Открывай, проститутка! – устрашающе громко прогудел из-за двери усиленный подъездной акустикой нарочито грубый бас.

Ирка съежилась на стуле перед умершим ноутбуком. Темный четырехугольник монитора задрожал и расплылся кляксой, но Ирка не смела даже пошевелиться, чтобы утереть внезапно брызнувшие слезы.

– Открывай! – загрохотало еще громче.

Старенький двухэтажный окраинный домишко (а где еще студентка может позволить себе снять квартиру?) испуганно замолчал; затаились, опасливо прислушиваясь, Иркины соседи.

Еще несколько мощных ударов по двери, еще одно оглушительное: «Открывай!» И длинное лязганье отвратительно витиеватой матерной фразы – точно протащили по ступенькам лестничной клетки ржавую цепь.

И вдруг стало тихо.

Ушли?

Ирка сползла со стула и медленно, изо всех сил стараясь не скрипнуть истертыми половицами, двинулась к двери.

Около минуты она не могла решиться выглянуть в глазок. А когда наконец решилась, увидела лишь искаженные выпуклой линзой подъездные стены, густо исписанные (они вчера постарались!) похабщиной в ее, Ирки, адрес. Только стены и больше ничего.

Неужели и вправду ушли?

И тотчас, взлетев откуда-то снизу, обзор наглухо закрыла глумливо ухмыляющаяся физиономия.

Ирка, всхлипнув, отпрянула.

И опять сотряс дверь град ударов.

— Притырилась, сука?! Думала отсидеться?.. Пусти, кому сказано! Поговорить надо!..

— Я отдам! — закричала Ирка. — Я все заплачу! Мне мама деньги пришлет! Я завтра все отдам! Получу перевод и сразу в банк...

— Да ты в уши, что ли, долбишься, дура?! Какой банк? Тебе что вчера объясняли? Я твой долг у банка выкупил, я! Ты мне теперь бабки должна! А я свои бабки из тебя по-любому вытрясу, не отмажешься!

— Я завтра все... — пискнула было Ирка, но ей не дали договорить:

— Мне каждый день таскаться к тебе неинтересно, уяснила, нет?

— Мы такие «завтраки» всю дорогу хаваем, не первый год в бизнесе, — резко вклинился в разговор еще один голос. — Открой дверь, розетка, мы не банк, мы и вещами взять можем.

— А то и еще кой-чем другим...

От очередного удара дверной косяк крупно треснул вдоль, выпустив мутное облачко пыли.

— Открывай, мразина!

— Помогите! — крикнула Ирка. — Помогите кто-нибудь!

— А ведь реально... — проговорил вдруг второй голос, — что с нее взять-то? Слышь, давай вот чего...

Неожиданно стук прекратился. За дверью неразборчиво зашуршали два голоса, плеснул в конце разговора безбоязненный громкий смех. И что-то, проникнув в замочную скважину, заскрежетало там, с натугой поворачиваясь.